

УДК 821.161.1-82-2

ОТРАЖЕНИЕ ПРОТОТИПИЧЕСКИХ ЧЕРТ В ОБРАЗЕ ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ ПЬЕСЫ Л. УЛИЦКОЙ «СЕМЕРО СВЯТЫХ ИЗ ДЕРЕВНИ БРЮХО»

Ключевые слова: житие, агиография, главный герой, заимствование, аксиология.

В статье рассматриваются художественные особенности образа Дуся – главной героини пьесы Л. Улицкой «Семеро святых из деревни Брюхо». Данный персонаж сопоставляется с прототипом – мученицей Евдокией – с тем, чтобы выявить как прямые заимствования, используемые автором, так и трансформации, позволяющие создавать индивидуализированный образ героини пьесы. Внимание привлекают как доминанты портрета, житейский обиход, поведенческие модели, так и система ценностей религиозной картины мира.

Пьеса Л. Улицкой «Семеро святых из деревни Брюхо» была опубликована в книге пьес «Русское варенье и другое» в 2008 году. Представляя данный сборник в Москве, автор рассказала также о том, что основана она на реальных событиях. По словам Л. Улицкой, которые приводит ИТАР-ТАСС, «в начале 90-х годов была издана книга, написанная священнослужителем, который собрал рассекреченные материалы, связанные с гонениями в 1917 году на около церковных людей – нищих, юродивых и блаженных. Их убивали, сажали в тюрьмы – подобная трагедия произошла и в деревне Пузо, которая в книге получила название Брюхово» [2].

Не вызывает сомнений тот факт, что в основу пьесы было положено житие преподобномученицы Евдокии (Шиковой) и ее послушниц, которое входит в состав первой книги иеромонаха Дамаскина (Орловского) «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX века. Жизнеописания и материалы к ним», опубликованной в 1992 году. Объектом исследования настоящей работы является художественное своеобразие образа главной героини пьесы Л. Улицкой, а предметом выступает прототипический компонент в поэтике художественного образа. Полагаем, что сопоставление образа главной героини пьесы, Дуся, с Евдокией позволит не только иллюстрировать стремление автора к воссозданию реальных черт подвижницы, но и выявить специфику данного персонажа, который (при первом прочтении произведения) многим может показаться странным, а его некоторые слова и поступки – непонятными. Следует учитывать, что образ Евдокии – прототипа главной героини пьесы – органично вписан в религиозную картину мира. Блаженная Дуся, как и Евдокия, действительность воспринимает иначе, чем обычные миряне, а ее духовно - нравственные ориентиры определяются аксиологией и философией православия. Поэтому можно предположить, что в житии преподобномученицы Евдокии следует искать ответы на многие вопросы, связанные с образом героини пьесы.

Обратимся к анализу образа главной героини пьесы. Блаженная Дуся (Авдотья Ивановна Кислова) – женщина средних лет, живущая в доме с тремя хожалками (отметим, что это слово упоминается в житии, где сказано, что именно так Поля называла келейниц). Она прикована к постели («Я вона сорок лет все лежу» [3, 37]) и крайне редко покидает свой дом, который выступает своеобразным центром притяжения в пьесе. «Обезножила» она в молодости, когда перед самым венцом пропал ее жених Прокл. В житии же все объясняется болезнью: «Когда Дуне было за двадцать лет, она сильно заболела. Дело было на святках, Дуня кричала: “Умру, у меня жар”. Девушки ее вынесли во двор и вылили на нее два ведра холодной воды. Потом она им говорит: “Несите меня в келью”. И положили ее на лавке, и после этого она уже не вставала» [1, 94]. Трансформации в данном случае, как представляется, объясняются не столько стремлением автора ввести в повествование любовную коллизию, сколько установить крепкие связи с юродствующим Проклом – Маней Горелой: внешне противопоставленных персонажей объединяет важнейшая функция сохранения духовных основ в мире, погрязшем во всевозможных грехах.

Четки и платки, как важные элементы портрета героини, также заданы в житии. Плаксивость заимствована у прототипа: если блаженная Евдокия обычно на нарушения послушниц реагирует плачем, то и Дуся в аналогичных ситуациях плачет или говорит плаксивым голосом.

Быт дома Дуся подчинен раз и навсегда установленному порядку. Большинство правил, судя по всему, Людмила Улицкая узнала из жизнеописания. Так, например, молитвенное общение, чтение священных книг, песнопения были требованием и нормой повседневной жизни как Евдокии, так и Дуся. Приведем в качестве примера такую авторскую ремарку: «Из дома слышится стройное пение. Поют акафист Божьей Матери. Пение то стихает, то усиливаясь, то переходя в ритмическое чтение псалмов, будет звучать все время» [3, 53]. Сравним с фрагментом жития Евдокии: «Правило

Дуни было таково. Неопустительно ежедневно пели образу Владимирской Царицы Небесной. Это было общее пение, вечером в восемь часов начинали, и продолжалась служба до двенадцати часов ночи <...> Утром начинали молиться с пяти часов утра, а иной раз по слабости – с шести утра. И молились до 12 часов дня» [1, 96]. В это время посетителей не пускали, читались Псалтырь, евангелие, каноны и акафисты, молящиеся били поклоны и пели.

Домашний обиход «кельи» связан с рядом ритуализированных действий. Мученица Евдокия, к примеру, имела обыкновение осенять крестным знаменем все, что было ей предназначено. Для сравнения обратим внимание на такую ремарку в пьесе: «Дуся благословляет Настю. Та начинает накрывать на стол – совершенно ритуальное действие. Настя подносит Дусе скатерть. Та крестит ее в четыре угла, потом ложки, чашки – каждый предмет» [3, 27]. Или другой пример ритуализации обыденной, как кажется, даже недостойной внимания процедуры – умывания. Прежде чем Дусю начнут умывать, она крестит полотенце и все сосуды. В кувшин с обычной водой вливают немного святой воды из бутылки. Объяснение также можно найти в житии, где описаны не только гигиенические процедуры, но и отношение к воде и способу ее «добывания». Так, в частности, Евдокия принимала только ту воду, которую послушницы должны были приносить ежедневно для различных нужд с учетом ряда правил: «Воду надо было качать колесом и непременно натоцак, и было это очень тяжело, а Дуся при этом скажет: “Тверди Богородицу и иди ни с кем не говори...” <...> Когда выкачаешь воду, нужно было оградить все крестным знаменем и ведро сполоснуть, и если кто застанет, никого не стыдиться и молча идти с водой обратно. Если случится, покойника несут или о покойнике ударяют, или с топором или с косой кто встретится, падаль какая-нибудь, хоть до Дуниного крыльца донесут, а только в двери не войдут, воду надо было вылить на землю и идти за другой» [1, 97-98]. Подобное отношение к воде замечаем и в пьесе: «Антонина, в монашеском одеянии, в апостольнике подходит к крыльцу с полными ведрами. Увидев посетителей, выплескивает воду на землю и уходит откуда пришла» [3, 10]. Далее пришедшие к блаженной посетители будут обсуждать увиденное так: «ВЕРА. А чего ж она ее выливает? А в тот раз прям с крыльца выплеснула. СУЧКОВА. Это по Дусину слову: если зверь нечистый или человек сренется, или колокол грянет, или еще чего, не знаю, то вода портится. Уж ни на мытье, ни на питье Дуся нипочем ее не примет» [3, 11]. В другом эпизоде Антонина воду не донесла лишь потому, что собака залаяла.

Список ограничений (конечно, в гораздо более развернутом виде) представлен в житии Евдокии. Закономерно возникает вопрос: «Зачем так усложнять обыденные явления?» Ответ на него находим в житии: «Пройти многократно с ведрами – и вылить, поставить условие, чтобы дом строили без шума (об этом дальше) – и оставаться без дома. За многими ее требованиями предчувствуется иное ощущение и созерцание мира <...> Кроме того, множество ограничений – это условие для подвига» [1, 98].

Следует отметить, что у Дуси, как и у ее прототипа, было свое представление о границах должного и допустимого, которое распространялось не только на отношение к воде, но и к подавляющим, людям, животным, и суть его можно свести к бинарной оппозиции – «чистое» // «нечистое». К примеру, в житии читаем: «Хлеб она потребляла от одних людей. Там женщина пекла с молитвой. Принесет в чистом, и когда принесет, пели От святых иконы Твоя» [1, 100]. А в пьесе, когда Рогов приносит самогон и еду в тряпице, его просят все это убрать, Антонина объясняет: «Да она с юности своей мяса не ест, а зелья твоего с роту в рот не брала» [3, 42]. Или вот такое отношение к собаке: «Ой, сколько же терпеть-то, Господи? В дом ко мне собаку поганую принес, бусурманское отродье! Неси ее отседова» [3, 43].

Мученица Евдокия неустанно истязала свою плоть. Сухари, как и старую одежду, она складывала себе в постель: «Те куски, которые она завязывала и клала в постель, после шести недель клала себе за спину, на них спала, на сухарях, в холоде и во вшах» [1, 99]. Но эти сухари вмещали силу исцеления. Так, например, в житии говорится о послушнице Анне, которая часто обкрадывала Дуню. После того как на двух возах она вывезла все ее добро, а через время вернулась – то упала в келье. «Трое суток Анна кричала: “Предайте смерти”. Потом Дуся дала ей сухарей, и она исцелилась. И снова стала исправно петь и читать» [1, 96]. А в пьесе одна из героинь утверждает: «Она тебе сухарика даст моленого, и отойдет. У ней молитва крепкая: и больных исцеляет, и бесов изгоняет» [3, 14].

Одним из способов умерщвления плоти, к которым прибегают подвижники, является ношение вериг. Житие поясняет, что Евдокия «носила вериги, которые у нее были за поясом и никому не разрешала касаться этого места» [1, 99]. А в пьесе Тимоша сообщает, что «на Дусе одежда такая ветхая, что под руками разлезлась, а на теле вериги, аж до мяса вьелись» [3, 66]. С истязанием плоти связаны также вши. Так, Евдокия «одну ночь чулки заставляла греть, а другую заставляла вшей бить, даст свечку и бей. Когда вшей бьют. Читают Богородицу, и только кончат, Дуся кричит: “Не всех убила, ногу вошь кусает”. А во время молитвы никогда ни на что не жаловалась, только во время сна» [1, 99]. Далее в житии появится такая деталь: кокон из завшивленных волос. В пьесе Антонина по требованию Дуси начинает искать в ее волосах вшей, «продолжая читать псалмы» [3, 43].

Ограничения касаются в том числе питания, причем и в житии, и в пьесе чаще всего упоминается в качестве основы рациона просфора, которую, разделив, героини едят, смочив святой водой.

Примечательно, что Евдокия и Дуся не только сами ведут аскетический образ жизни, но и превращают в трудничество жизнь хожалок, неустанно заботясь об их духовном становлении. Этим мотивированы ограничения и правила, а также особые формы испытаний. Так обе героини имеют обыкновенные жаловаться на своих хожалок и стыдить их. *«И чаю испить не дадут, злыдни такие. День на исходе, они все самовар не ставят, за водой не ходят, – утверждает в одном эпизоде Дуся, а затем, плача, продолжает, – И так расстроят, так расстроят, разобидят, и молиться бедной Дусе не дадут»* [3, 20]. Претензии героини могут показаться безосновательными и несправедливыми, а потому необъяснимыми и странными. То, что так ведет себя подвижница неслучайно, поясняется в житии: *«Мало кто ее подвиг понимал. Она плачет, жалуется на хожалок, а сама так велит. И тут же плачет и улыбнется. Поле она сказала: “Если я тебя при людях буду ругать, ты не смущайся”. – “Они меня не моют и рубахи мне не дают”, – и заливается при этом слезами»* [1, 101-102]. Очевидно, терпение, борьба с гордыней, смирение и послушание являются важнейшими условиями духовного становления хожалок. Причем Евдокия и Дуся, неоднократно иллюстрирующие ключевые ценности православия, настаивают на том, что земная жизнь – лишь пролог к жизни вечной, право на которую человек может получить богоугодным образом жизни. В этой связи примечательны слова Дуси о том, что «на страдание рожденные» люди должны неустанно трудиться о росте духовном. Безрадостное (с точки зрения обывателя) существование, таким образом, освещается высшей целью, которую Дуся формулирует просто: *«Здесь потрудишься, там порадуешься»* [3, 21].

В результате богоугодный образ жизни подвижниц дает им возможность обрести «небесные дары»: молитвенные заступницы – провидицы, целительницы и, в соответствии с канонами агиографии, являют чудеса. Примечательно, что в описании провидческого сна Дуси Людмила Улицкая использует многие детали текста жития. Так, в пьесе Дуся рассказывает: *«Вот мне сон-то снился! (Смеется ехидно). Кто у меня живет, и Вера покойная тоже, все стоят с букетами, и у всех розы, у кого белые, у кого розовые или голубые, а кто ко мне приходил да приносил милостыню, у того ветки-вайи и можжевельниковые, в синих ягодах. А ты, Антонина, и ты, Марья, стоите около меня с прутьями сухими, потому что не имеете послушания и молитесь плохо»* [3, 20]. В житии описание сна представлено так: *«Один раз во время утреннего правила Дуся обмирала часа на три. Через четыре дня она сказала, что видела сон: “Кто у меня поет, все стоят с букетами в руках, у всех розы, у кого белые, у кого розовые и даже голубые, у кого можжевельник, и у всех ветви, кто приходил ко мне; у Анны книга с золотыми буквами (она птица хорошая была), а Поля с Дашей стоят около меня с сухими прутьями, они не молятся”»* [1, 115].

Эти и другие примеры позволяют судить о том, насколько внимательно и бережно переносит автор черты прототипа на Дусю, стремясь, однако, создать индивидуализированный образ блаженной, подчиненный решению художественной задачи. Заимствования, по нашим наблюдениям, обнаруживаются также в системе образов хожалок, на сюжетно-композиционном уровне, в способе разрешения конфликта и на других уровнях поэтики произведения (следовательно, оговоримся, научные изыскания в данной области могут быть продолжены), причем нередко подвергаются творческому переосмыслению. Житие Евдокии самоценно само по себе, а под пером Улицкой история последних дней жизни и смерти подвижницы становится основой для художественного осмысления широкого круга проблем – о вере и безверии, праведности и грехе, святости и духовном оскудении и пр., – которые, судя по замыслу автора, не теряют своей актуальности и по сей день.

Литература

1. Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX века. Жизнеописания и материалы к ним / И. Дамаскин. – Тверь: Булат, Книга 1, 1992. – 237с.
2. Людмила Улицкая представила в Москве книгу своих пьес [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.newsru.com/cinema/20feb2008/ulizkaya.html>. – Дата доступа : 15.12.2019.
3. Улицкая, Л. Русское варенье и другое / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2008. – 256 с.

V.G. Dolgov

Alecu Russo Balti State University (Republic of Moldova)
e-mail: slavapprav@gmail.com

The reflection of prototypical features in the image of the main character in L. Ulitskaya's play "Seven Saints from the Bryuho Village"

Keywords: life, hagiography, protagonist, borrowing, axiology.

The present article considers the artistic features of Dusea's image – the main character of the play "Seven Saints from the Bryuho Village" by L. Ulitskaya. The character is compared with her prototype – the martyr Evdokia – in order to identify both direct borrowings used by the author and the transformations that allow the author to create an individualized image of the protagonist of the play. Attention is drawn not only to the dominants of the portrait, the lifestyle, behaviours, but also to the value system of the religious picture of the world.